

Тигран Ахумян

Иоганн Себастьян Бах

(К 255-летию со дня рождения)

Могучий, как широкоствольный дуб, переживший столетия, стоит он гордо и непоколебимо в мире музыки, и корни его, жадные до соков земли, вечно живые корни, глубоко ушли в почву, благодатнейшую из всех—в народную толщу.

Здесь, в неумирающих недрах земли-праматери, он черпал все, что пыталось его мужественно-строгие творения, овеянные жарким дыханием подлинной страсти, не разменной по мелочам.

Суровая, целомудренная сдержанность его творческого порыва—свидетельство великой жизни вдохновенного гения, не идущего на соблазн проторенных путей, как изумительно гармонирует она со всем внешним обликом этого титана.

В своих, полностью у нас пока еще не опубликованных дневниках, другой великий титан мира музыки, Людвиг Бетховен, посвящает Баху следующие строки:—«Стены моей комнаты увешаны портретами Генделя, Баха, Глюка, Моцарта и Гайдна. Только они, эти портреты, наполняют мое сердце терпением. Не ручейком надо было называться Баху (по-немецки Бах—ручеек), а морем. Его искусство сочетать звуки—огромно. Безгранично богатство его мелодий».

И еще больше можно сказать о Бахе, ибо он принадлежит к славной когорте тех величайших мастеров мира, великолепный гений которых как яркий маяк прорезает далекую тьму веков. Подобно бессмертному Шекспиру, гений его вобрал в себя все живительные, жизнедеятельные силы и устремления эпохи, всю безграничную потенцию ее творческих возможностей.

Дело не только в могучей силе его мужественного гения, но также и в том, что и сам он является блистательнейшим порождением одной из значительных эпох истории культурного человечества. Если музыка Бетховена была рождена французской революцией и насыщена ее идеями, ее порывами, то не надо забывать, что и музыка Баха была порождением другой общественной волны—могущественной бури реформации, когда новый общественный класс, класс буржуазии, одерживал уже свою первую победу и устанавливал в мире своем свои новые порядки, свою новую религию—протестантизм.

Советский народ любит и высоко ценит могучий гений Баха, и слава его растет из года в год, и нигде в мире нет такого уважения к великой памяти этого волшебника, как у нас, в советской стране, освобожденные народы которой давно уже и навеки веков распростерлись и с богом, и с богослужением.

В чем же тут дело?

Это нетрудно понять, если суметь правильно подойти к творчеству великого композитора, т. е. если помнить, что Бах, как и все бессмертные мастера искусства прошлого, отдавая беспорочную дань предрассудкам своей эпохи и своего времени, одновременно выражал и нечто прогрессивное, разрывающее узкие рамки данного исторического периода, перекликаясь с грядущим торжеством лучших, передовых идей демократии. И в этом, собственно говоря, главнейший залог их бессмертия и нетленности в веках. В этом основа их народности и глубокой реалистичности их творчества.

Хоралы Баха, его торжественные мессы, его кантаты—это, разумеется, произведения церковные, религиозные, но для правильного понимания их подлинной ценности и сущности нельзя видеть в них одну лишь эту формальную сторону, а нужно не забывать, что в основу своих, именно этих, произведений Бах брал не толь-

ко элементы, но в мелодии, порожденные народным творчеством, выражающие его лучшие, вдохновенные мечты и чаяния.

Разумеется, из этого вовсе не следует делать скороспелые выводы о революционности Баха в нашем понимании, но совершенно бесспорно, что корни протестантской церковной музыки имеют чрезвычайно много общего в основах немецкого народного творчества, и уже одно это обстоятельство делает творчество Баха несомненно явлением прогрессивным, в какой-то значительной мере разрывающим стеснительные оковы своего времени.

И, может быть, именно поэтому в течение целого столетия Бах не был в почете и никак не был признан, как композитор: знали и помнили его, как органиста и кантора... Честь вторичного «открытия» Баха принадлежит другому крупному композитору—Мендельсону, после чего слава великого полифониста Иоганна Себастьяна Баха прошла по всему миру.

Великая, неотъемлемая роль Баха в истории всей мировой музыкальной культуры, к сожалению, пока еще дожидается своего историка—марксиста, заключается именно в том, что он сумел добиться в своем творчестве гениальнейшего синтеза немецкой народной песни и великолепного мастерства своих предшественников—контрапунктистов: итальянцев и голландцев.

Но и здесь он предстает перед нами не только как формальный мастер, доведший силу своего гения ту или иную форму до высокого совершенства. Как подлинный вдохновенный творец, он наполняет все эти раз и навсегда установленные формы совершенно отличным содержанием: мертвые каноны наполняются живую человеческую страсть, горячим дыханием истинного переживания, все это пронизано высоким драматизмом чувства и взволнованного сердца, открытого миру в своих самых затаенных чувствах.

В творчестве Баха ценно и волнующе именно это настоящее, искреннее волнение человеческой страсти по высочайшему поводу и потому—волнение целомудренное, заражающее своей несравненной величием, могучее по силе творческой напряженности и светлые по идее, по устремлениям своим. Народные песни обретают у него какой-то суровый драматизм, выражающий общечеловеческие страсти, они приобретают уже некое новое качество, и потому воздействующая сила их становится во много раз глубже и проникновеннее.

Неважно, что как истый сын своего времени, он не сумел в сознании своем переступить рамки своей эпохи. Но как подлинный реалист, как светлый гений, он, разумеется, не мог уместиться в рамках своего времени, ибо язык его выражал одновременно и то, что выходило далеко за пределы данных ему эпохой схоластических схем. И этот вековечный конфликт с эпохой—вечный и неизменный спутник всех великих мастеров прошлого—делает его одним из тех колоссов, глубоко эмоциональное и величественное творчество которых бесконечно дорого советскому народу, ибо он умеет не только ценить результаты этих вдохновенно-страстных усилий истинного творца, но и вливать в эти грандиозные формы великолепное новое содержание своего исторически небывалого социалистического времени.

Бах дорог нам и любим всем советским народом, и любовь эта—крепкая к чародею, мастеру, поднявшему изумительное искусство музыки до самых недосыгаемых вершин.